

18+

Алексей Глушков

Валдония

Реальность обманчива

Алексей Глушков

Валдония. Реальность обманчива

«Издательские решения»

Глушков А.

Валдония. Реальность обманчива / А. Глушков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691084-3

Пассажирский самолёт, летевший рейсом Берлин–Стамбул, попал в зону сильнейшей турбулентности над Альпами. Для Марка, уставшего от жизненной рутины, следующие несколько минут стали хаосом из огня, криков и ощущения падения. Очнувшись, он увидел уютный городок в зелёной долине между горных пиков. Залечив раны, Марк решил не возвращаться к старой жизни, а начать всё с чистого листа.

ISBN 978-5-00-691084-3

© Глушков А.
© Издательские решения

Содержание

ВАЛДОНИЯ	6
Глава 1. Зона турбулентности	6
Глава 2. Новая жизнь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валдония Реальность обманчива

Алексей Глушков

© Алексей Глушков, 2026

ISBN 978-5-0069-1084-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАЛДОНИЯ

Глава 1. Зона турбулентности

Пассажирский самолёт Аэростар-220 рейсом ТХ-411 Берлин—Стамбул вошёл в зону турбулентности ровно в 16:03 по центральноевропейскому времени. Марк Штайнер узнал об этом, когда чашка с остатками остывшего кофе сорвалась с откидного столика и опрокинулась ему на колено. Холодная липкая лужа моментально пропитала ткань дорогих, купленных по совету стилиста, серых брюк. Он даже не вздрогнул. Просто опустил крышку ноутбука, на экране которого застыла бесконечная таблица с квартальными отчетами – цифровой пейзаж из прибылей, убытков и его собственного медленного профессионального удушья.

За окном, в предвечерней синеве, клубились огромные, похожие на ватные глыбы, кучево-дождевые облака. Они были гипнотизирующе красивы. Марк прижал лоб к холодному пластику иллюминатора. Шесть лет в офисе международной аудиторской фирмы превратили его жизнь в безупречный, выхолощенный цикл: метро – стеклянная башня в деловом центре – метро – стерильная квартира в спальном районе. Воздух в той жизни имел один постоянный запах: пыли с подогревом, горького кофе из автомата и тоски, которую нельзя было описать в отчёте. А здесь, за этим тонким стеклом, пахло... ничем. Или всем сразу. Свободой. высотой. Но, вероятнее всего, это была иллюзия, дорогая и временная, как сам этот бизнес-класс.

Воздух в салоне был сухой и спёртый, с едким привкусом рециркуляции. Марк ловил себя на мысли, что уже не помнил, как пахнет воздух, который не прошёл через систему фильтров и кондиционеров. Настоящий воздух. Тот, что бывает в горах, где он в последний раз был с отцом в пятнадцать лет, или у моря, куда они с Катей собирались съездить и так никогда не собрались. Воздух, у которого есть вкус места, а не технологического процесса.

– Уважаемые пассажиры, просим вас немедленно вернуться на свои места и пристегнуть ремни. Мы проходим через зону повышенной турбулентности, – голос командира экипажа, до этого звучавший томно-профессионально, приобрёл новые оттенки: металлическую твёрдость и едва уловимую струнку напряжения.

Самолёт дёрнуло, будто невидимый великан с размаху швырнул игрушечную модель в пол. На мгновение в животе стало пусто, сердце ушло в пятки. Потом последовал мощнейший рывок вверх – казалось, лайнер сейчас взмлет вертикально в небо. С потолка с шипящим звуком посыпались кислородные маски, закачавшись на жёлтых шлангах, как ядовитые, спелые плоды. Раздался приглушённый, но пронзительный женский вскрик где-то впереди. Марк инстинктивно вцепился в подлокотники. Пальцы его правой руки наткнулись на что-то холодное и липкое. Старая, уже почерневшая жевательная резинка, вмявшаяся в ткань. Отвратительный, чужой привкус жизни. Он резко отдернул руку, будто обжёгся.

Он вдруг с невероятной ясностью вспомнил, как летел с родителями в Анталию, кажется, в десять лет. Тогда тоже была турбулентность, и он плакал от страха, впившись ногтями в отцовское предплечье. Отец, вечный инженер-прагматик, не отрывавшийся от технического журнала, положил на его маленькую ладонь свою большую, шершавую руку и сказал спокойно, без улыбки: «Не бойся. Это просто дорога стала *bumpy*. Как наша дачная улица после ливня. Самолёт крепкий». И он перестал бояться. Сейчас отца не было уже пять лет. Не было и той дачи. Была только липкая жвачка и всеобщая, густая, как смола, паника, которую он чувствовал не ушами, а кожей – по мурашкам на затылке и ледяющему холоду в пальцах.

– Ladies and gentlemen, this is your captain speaking... – начало было стандартное объявление на английском, но голос оборвался на полуслове. Его сменил оглушительный, пронзающий насквозь рёв сирен и механический, чёткий как удар ножа, голос: «Brace! Brace!»

Свет в салоне погас, уступив место тусклому, зловещему багровому свечению аварийных ламп. Они окрасили всё в цвета апокалипсиса: лица людей стали восковыми масками, иллюминаторы – кровавыми рубинами. Мысли в голове Марка перестали складываться в слова, рассыпались на первобытные образы. Лицо молодой стюардессы у его ряда – красивое, выхваленное, сейчас искажённое чистым ужасом, но губы её всё ещё бессознательно растягивались в профессиональную, заученную до автоматизма улыбку. Пронзительный плач ребёнка из середины салона, который вдруг резко оборвался, словно кто-то выключил звук. Его собственный новенький, тёмно-синий паспорт в откидном кармашке кресла впереди – удостоверение личности Марка Штайнера, гражданина Евросоюза, налогоплательщика, холостяка, – которое, возможно, больше никому и никогда не понадобится.

А потом мир сжался до точки и взорвался.

Не было оглушительного грохота. Был глухой, давящий, всем телом ощущаемый *УДАР*, как будто планету сбили с орбиты. Лютый скрип рвущегося, как бумага, алюминия. Ослепительная вспышка боли в правом виске. И стремительно нарастающий, всепоглощающий вой ветра, врывающегося в развороченный салон.

И затем – ничто. Тишина. Небытие. Чёрный, беззвёздный, абсолютный вакуум.

Сначала вернулся звук. Он пробился сквозь толщу небытия тонкой, настойчивой иглой. Монотонный, высокий писк. *Бип... бип... бип...* Ровные, неумолимые интервалы. Звук медицинского прибора. Кардиомонитора. Он был далёким, как из соседней галактики, и нестерпимо раздражающим.

Затем – запах. Он накатила волной, отчётливой и сложной. Верхняя нота – сладковатая, химическая. Спирт. Антисептик. Классический больничный дух. Но под ним, проступая сквозь стерильность, вился другой, более тёплый и живой: влажной земли после дождя, смолистой хвои и... да, точно, печёных яблок с корицей. Абсурдное, невозможное сочетание лазарета и осенней кухни.

Марк открыл глаза. Потолок. Простой, побелённый, с мелкой паутиной трещин у угла. Не багровый, не с качающимися жёлтыми масками. Просто потолок. Он попытался повернуть голову – в виске вспыхнула тупая, раскалённая боль, но сознание её зарегистрировало почти с любопытством: да, боль есть, значит, я есть.

За окном, в чистой, будто вымытой рамке, было небо цвета спелой сливы – предвечернее. И тёмно-зелёные, пушистые макушки каких-то хвойных деревьев. Ни гула реактивных двигателей, ни рёва сирен, ни сдавленных рыданий. Тишина. Настоящая, глубокая, почти осязаемая тишина, которую можно было слушать.

В дверь тихо постучали и вошла женщина в белом, слегка накрахмаленном халате. Не девушка, а женщина лет пятидесяти, с седыми, аккуратно убранными в пучок волосами и лицом, которое запомнилось не красотой, а спокойствием. Морщинки у глаз были лучистыми – от смеха или от привычки щуриться на солнце, а не от постоянного напряжения перед монитором. – А, вы с нами. Отлично, – сказала она голосом, в котором мягкий, певучий акцент накладывался на безупречный немецкий. – Не делайте резких движений. У вас хорошее сотрясение, два треснувших ребра, множество ушибов и ссадин. Но в целом... вы – счастливчик, герр Штайнер.

– Где... – голос отказался слушаться, вырвавшись силным шёпотом. Он сглотнул, попробовал снова. – Где я?

Женщина плавно подошла, поправила подушку. Её движения были лишены суетливости, в них была уверенность ремесленника, знающего своё дело до мелочей. – Вы в республиканской клинике Святого Арнульфа. В Республике Валдония, – она произнесла это легко, как нечто само собой разумеющееся. – Наши пограничники нашли вас вчера вечером. Ваш самолёт... он потерпел крушение в нашем горном массиве, на восточном склоне. Вы – единственный, кого удалось извлечь живым.

Валдония? Марк заставил свой затуманенный мозг работать. Мысленно он развернул политическую карту Европы, которую так часто изучал, планируя командировки. Германия, Польша, Чехия, Австрия, Швейцария, Италия, Франция... Анклавы, микространы... Лихтенштейн, Сан-Марино, Монако... Валдонии не было. Ни в центре, ни на периферии. Никакой Валдонии. – Такой страны... нет, – с трудом выдавил он, и это прозвучало как обвинение.

Врач – на её халате была скромная вышитая нашивка «Д-р Элина Фосс» – улыбнулась. Улыбка была тёплой, снисходительной, как у взрослого, слушающего фантазии ребёнка. – Конечно есть, герр Штайнер. Мы просто очень... скромные. И привержены традициям нейтралитета. Предпочитаем не маячить на первых полосах. Главное – вы сейчас в безопасности. Остальное не столь важно.

Она взяла с тумбочки планшет – матовый, тонкий, современный, но на его корпусе не было ни логотипа, ни маркировки. Ни названия производителя, ни даже серийного номера. Просто гладкий шифер серого цвета. Она что-то быстро пробежала по экрану пальцем, кивнула, проверила капельницу, по которой медленно, капля за каплей, шла прозрачная жидкость. – Отдыхайте. Завтра, если силы позволят, вас хочет навестить господин бургомистр. Он очень обрадован, что вы выжили. У нас тут такое... – она слегка запнулась, подбирая слово, – редкостное происшествие.

Она вышла так же бесшумно, как и вошла, оставив после себя лёгкий шлейф запаха – не лекарств, а простого мыла и того самого яблока. Марк остался один на один с тишиной, болью и названием, которое висело в воздухе, как неразгаданная шарада. Валдония.

Прошло три дня. Три дня, в течение которых с ним обращались не как с жертвой катастрофы, а как с почётным, немного хрупким гостем. Еду приносили лёгкую, но на удивление вкусную: прозрачный бульон с пряными травами, воздушный омлет, тушёные овощи, которые имели *вкус*, а не просто выполняли функцию питательных веществ. Боль потихоньку отступала, превращаясь в глухой фон. На четвёртый день утром к нему зашёл молодой, крепко сбитый санитар с открытым лицом. – Я Юрий. Доктор Фосс говорит, вам уже можно вставать и гулять, – сказал он и протянул Марку пакет из грубоватой коричневой бумаги. – Ваши вещи, увы, не сохранились. Это из нашего благотворительного фонда. Всё новое, не сомневайтесь.

В пакете оказались простые, но добротные вещи: мягкие джинсы тёмно-синего цвета, тёплая фланелевая рубашка в клетку, толстовка и лёгкая, но прочная ветровка. Ничего лишнего. Никаких брендов. Марк переоделся, и ткань пахла свежестью и чем-то травяным, а не магазинным кондиционером для белья.

– Пойдёмте, – сказал Юрий, придерживая дверь. – Покажу, где вы очутились. Вам полезно подышать.

И вот Марк стоит на широких, отполированных временем и ногами, каменных ступенях больницы. Перед ним, как на старинной гравюре, раскинулся город.

Не мегаполис, не деревушка. Город в идеальной, золотой середине. Море черепичных крыш, выгоревших до мягких оттенков терракоты, умбры и охры. Фасады домов пастельных тонов – персикового, мятного, бледно-голубого. Узкие, вымощенные аккуратной брусчаткой улочки петляли, сбегая вниз, к просторной центральной площади, над которой царил строгая ратуша с высоким шпилем и циферблатом часов. И всё это – в объятиях гор. Высоких, покрытых шапками снега даже сейчас, в конце апреля, и более пологих, поросших тёмным лесом. Они стояли кругом, как стены надёжной, гигантской крепости, защищающей это спокойствие.

Но больше всего Марка поразило воздух.

Он сделал первый, осторожный вдох, потом – второй, глубже. И замер. Воздух был настолько чистым, свежим и вкусным, что на мгновение у него закружилась голова. Он пах ледяной кристальностью горных ручьёв, смолистой хвоей, дымком, струившимся из далёких труб, и той самой неуловимой сладковатой нотой – спелым яблоком, мёдом и, может быть,

цветущим миндалём. Он вдохнул полной грудью, и ему показалось, что с каждым глотком этой хрустальной смеси из его лёгких, из пор, из самой крови вымываются годы офисной пыли, вечного стресса, немой усталости. Он стоял, закрыв глаза, подставив лицо слабому, но уже повесенному тёплому солнцу, и просто *дышал*. Это был первый по-настоящему свободный, ничем не обусловленный поступок за долгие-долгие годы.

Он ступил на брусчатку и пошёл, не выбирая направления. Просто вперёд, под горку, к площади. Никто не требовал от него срочного отчёта. Никто не названивал на телефон, который, как он теперь понимал, остался там, в обломках Аэростара-220. Никто в большом, шумном, знакомом мире, кроме жителей этой тихой, спрятанной в горах долины, даже не знал, что он жив. Мысль была пугающей и... невероятно освобождающей.

На площади часы на ратуше пробили четыре размеренных, мелодичных удара. Звук был густой, бархатный, он не резал слух, а обволакивал. Марк сел на деревянную скамью у фонтана – не пафосного барочного, а простого, сложенного из местного серого камня, в центре которого била вверх единственная струя, рассыпаясь на тысячи искрящихся брызг. Он зажмурился, подставив лицо солнцу, и позволил этому странному, новому миру окутать себя.

Он был жив. И, впервые за много лет, он был свободен.

В сверкающих на солнце брызгах фонтана, в мириадах водяных пылинок, на долю секунды поймавших свет, ему почудилось, что он видит не просто радугу, а маленькое, идеально ровное световое кольцо. Как нимб. Или как цифра ноль, нарисованная лучом. Он моргнул, стряхнул с ресниц влагу, – и видение исчезло.

Глава 2. Новая жизнь

Утро в Валдонии начиналось не со звона будильника, а с колоколов. Их звук, густой и бархатный, плыл над черепичными крышами, не торопясь, отмеряя время, которое здесь, казалось, текло иначе – медленнее, гуще, оставляя после себя не чувство упущенных возможностей, а ощущение прожитого момента.

Марк лежал на узкой, но удобной кровати в своей новой комнате – бывшей гостевой при доме доктора Фосс. Её предложение пожить тут, пока он не освоится, была неформальной, тёплой, без подтекста аренды или обязательств. Комната была простой: белые стены, дубовый пол, письменный стол у окна, с которого открывался вид на задний двор с цветущей яблоней и на дальние горы. И пахло. Книжной пылью, древесиной и, конечно, тем самым сладковатым яблочным духом, который уже стал ассоциироваться у него с самим понятием «Валдония».

Сегодня ему предстоял визит в мэрию – формальность, как уверяла доктор Фосс за завтраком. «Господин бургомистр просто хочет лично убедиться, что с вами всё хорошо и вам комфортно. У нас тут так принято». Она налила ему ещё чашку травяного чая с мятой и чем-то горьковато-пряным – «местный сбор, очень бодрит».

Дорога к ратуше заняла десять минут неспешной ходьбы. Марк шёл по тем же улочкам, что и в первый день, но теперь замечал детали. Дом с солнечными часами на стене, выцветшими от времени. Мастерскую столяра, откуда доносился запах свежего дерева и стук молотка. Маленькую булочную, из двери которой валил соблазнительный пар и запах горячего хлеба. Люди, попадавшиеся навстречу, кивали ему, некоторые – здоровались. «Дор'анна вэл», – говорили они. Первая фраза, которую он выучил. «Пусть твой путь будет счастливым». Здесь это было не пустой вежливостью, а искренним пожеланием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.